

И. Д. БЕЛЯЕВ, И. И. ПАНТЮХОВ, Д. Н. АНУЧИН,
В. В. ВОРОБЬЕВ, А. Н. КРАСНОВ

РУССКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ТОТЕНБУРИ

МОСКВА 2022

УДК 94
ББК 63.5
Р89

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Беляев И. Д., Пантюхов И. И. и др.

Р89 Русская антропология. — М.: Тотенбург, 2022. — 244 с.

ISBN 978-5-9216-2392-7

*Данный сборник включает в себя 5 статей известных ученых,
дающих читателю ответы на вопросы о происхождении русского
народа, его месте в истории и антропологических особенностях.
Материал предназначен для широкого круга читателей.*

**УДК 94
ББК 63.5**

ISBN 978-5-9216-2392-7

© Издательство «Тотенбург», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

<i>И. Д. Беляев</i> О ВЕЛИКОРУССКОМ ПЛЕМЕНИ.....	4
<i>И. И. Пантюхов</i> ЗНАЧЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ В РУССКОЙ ИСТОРИИ	27
<i>Д. Н. Анучин</i> ВЕЛИКОРУССЫ	117
<i>В. В. Воробьев</i> ВЕЛИКОРУССЫ	168
<i>А. Н. Краснов</i> МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ АНТРОПОЛОГИИ РУССКОГО НАРОДА.....	227

И. Д. Беляев

О ВЕЛИКОРУССКОМ ПЛЕМЕНИ

Позвольте занять несколько времени беседою о великорусском племени. В Москве — в сердце великой русской земли — всего приличнее повести беседу об этом предмете, и тем более это прилично, что еще недавно большая часть западноевропейских журналов и газет, по команде польских эмигрантов, общим хором утверждала, что мы, великоруссы, никто другой, как татары, скифы, финны, гунны, тураны и чуть не турки, даже хуже турок, — какие-то чудища, оскверняющие европейскую землю. Обо всем этом даже читались публичные лекции, как говорят, привлекавшие многочисленную публику в Западной Европе. Да и в настоящее время между западными европейцами еще много охотников верить сим подобным толкам и рассказам.

Кто же мы, великоруссы? Что мы не турки, не татары, не гунны, не какие-то тураны — это ясно как светлый день, этому неумолкающий свидетель — история, этого не может видеть только тот, кто не будет смотреть, кто с намерением зажмурит

глаза от света, кто со злым умыслом завяжет их повязкой лжи: ни татарского, ни турецкого, ни какого-то туранского переселения в здешний край история не ведает, и его никогда не было на самом деле. Вся азиатчина, которую польские крикуны навязывают нам в родоначальники и предки, или только держалась временно на южных степных окраинах нынешней Российской империи, или только проходила через русские земли, не оставляя на них следа. Так, по летописям известно, что обры, или авары, временно владели Волынью, но они скоро прошли далеко на запад за границы Русской земли, и там древнейший летописец Нестор сказал о них: «Были обры велики телом и умом горды», — и Бог истребил их, измерли все, и не осталось ни одного обрина, и есть притча на Руси и до сего дни: «погибли как обры, и нет их племени ни наследка». Да авары и не заходили в здешнюю сторону, их поприщем на Руси были только южные степные окраины и Волынь. В VII, VIII, IX и X столетиях в низовьях Волги и Дона даже до Черного моря была сильная держава Хазарская; но хазары не доходили до Оки, и следы их в двух-трех урочищах не заходят далее Дона и Донца, да в низовьях Волги говорит еще об них утка казарка. Камские, или волжские болгары известные и по нашим летописям, и арабам, и Константину Порфирородному, еще в конце XIII столетия держались в углу, образуемом Камою и Волгою, и даже воевали с Суздальскими князьями; но они поселились в Суздальском краю и поглощены или истреблены татарами. В начале IX столетия в придонских и приднепровских степях появились печенеги и пробрались степями за Днепр до Дуная; но они всегда держались со своими кочевьями южных степей и не доходили

до Оки. Ока всегда оставалась непреходимым рубежом для степных кочевников. За печенегами в придонских и приднепровских степях явились половцы, также протянувшиеся до Дуная; но и они в Суздальском и Рязанском краях не показывались. Здешним краем, вероятно, прошли в X столетии только угры или венгры, мадьяры, сродники башкирцев; но и они только разве прошли здешним краем, и нигде здесь не останавливались, и не оставили никаких следов. Наконец, в первой половине XIII столетия через Болгарскую и Мордовскую земли пришли сюда монголы и татары, под предводительством Батыя, и прошли вдоль и поперек здешний край, опустошили его и заставили русских платить дань монгольскому хану; но они монгольских и татарских поселений здесь не оставили, и напротив, все, дошедши только до Игнача-Креста в Новгородской земле, поворотили на юг и раскинули свои кочевья в степных низовьях Волги, Дона, Днепра и Днестра до самых берегов Черного моря, или заняли старые пепелища казар, печенегов и половцев. Следовательно, не могли оставить даже и подозрения о каком-нибудь сродстве с русскими; русские, будучи даже данниками татар, всегда смотрели на них как на поганных, и ни та, ни другая сторона никогда не думали сближаться друг с другом. Даже клочок татарской орды, со своим царем поселенный Московскими великими князьями в Касимове, до сего времени сохранил свой татарский тип и не сроднился с русскими, хотя касимовские татары полюбили Петербург и ходят туда на заработки и даже живут там по несколько лет. О турках же и каких-то мифических туранах, чтобы они когда-либо жили в здешнем краю или проходили через него, нет даже ника-

ких слухов или сказочных преданий, на которые бы, хотя сколько-нибудь, могли опереться горячечные бредни польских эмигрантов. Таким образом, вся исчисленная нами азиатчина, навязываемая польскими крикунами в предки русскому народу, ни в каком случае, по свидетельству истории, не может быть причислена хотя бы в какую-либо дальнюю родню не только великорусскому племени, но и малорусскому, жившему в ближайшем соседстве с южными степями. Да кроме недавних польских крикунов и их товарищей никто никогда и не думал навязывать нам в родню всю эту азиатчину.

Напротив того, все европейские предания и свидетельства, официальные и литературные источники, как только доходит память о здешнем крае, постоянно называют этот край славянским или русским и главных жителей его — славянами и русскими. Так, скандинавские саги говорят, что здешний край принадлежал ильменским славянам или новгородцам и что Муром, Суздаль, Ростов и Белоозеро были богатыми Новгородскими колониями со своими отдельными правителями из Новгорода. Греки, или византийцы, как только вошли в сношения со здешним краем, всегда называли его русским — и народ, и князей русскими. То же название здешним жителям и князьям придают итальянцы: так, римский папа Григорий IX в своем послании к Владимиро-Суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу, писанном в 1231 году, называет его русским князем и суздальцев — его подданных русскими людьми. Или папа Лев X — в своем послании к великому князю Василью Ивановичу, писанном в 1519 году, называет его благородным князем Москвы и Руси. Или Венецианский посланник Фоскарини, бывший в Москве

в 1557 году, в своем сказании о Московском царстве говорит: «Руссия разделяется на две половины, одна нижняя Литовская, другая Белая дальнейшая, Московская... Москвитяне говорят по-славянски, так же как далматинцы, богемцы, поляки и литовцы, т. е. белоруссы». А другой Венецианский посланник Тиополи, бывший в Москве в 1559 году, пишет: «Руссия великою рекою Днепром разделяется на две половины, и одна из них называется Московиею». Наконец, в начертании Московии, посвященном кардиналу Алтери в 1672 году и писанном одним итальянцем, скрывшим свое имя, сочинитель, говоря о Западной и Северной Двине, первую называет Ливонскою, а вторую Русскою, значит, Московскую страну, где течет Северная Двина, признает Русскою землею. Такие же свидетельства о здешнем крае получаем и от старых немцев. Так, посол Римского императора Герберштейн при Московском дворе, хорошо и подробно изучивший всю тогдашнюю Русскую землю, в своих превосходных записках прямо называет здешний край Русскою землею. Он пишет: «Из государей, в настоящее время управляющих Руссиею, — первый великий князь Московский, который держит за собою большую часть России, второй великий князь Литовский, и третий король Польский, который в настоящее время владеет Польшею и Литвою». А в другом месте у Герберштейна сказано: «Все народы, говорящие по-славянски и исповедующие греческую христианскую веру, вообще называются русскими, или по-латыни рутенами, и до того умножились, что всех живших между ними инородцев или изгнали, или обратили в русских, так что все в настоящее время носят одно имя русских». Другой немец, Иоанн Фабр, в своем

донесении австрийскому эрцгерцогу Фердинанду пишет: «Народ, который мы в настоящее время называем москвитами, по главному их городу Москве, издревле называются русскими». От англичан те же вести о здешнем крае; в донесении о путешествии Ченслера в Москву сказано: «Московия, она же и Белая Руссия, — обширнейшая страна, сопредельная со многими народами».

Наконец и старые поляки, предки нынешних польских крикунов, также называют здешний край Русскою землею и здешних людей — русскими людьми. Так, архиепископ Гнезненский, Иоанн Ласский, в своем донесении, представленном Латеранскому собору в 1514 году, исчисляя разные племена русских, называет москвитян Белою Русью. Или польские летописцы и историки XVI столетия пишут о здешнем крае так. Матвей Миховий: «Московия, или в просторечии Москва, главный город всей Белой Руси, Московское государство есть обширнейшая страна, и по всей этой стране один язык русский или славянский». Или Станислав Сарницкий прямо называет москвитян русскими людьми, он говорит: «...когда Московский князь Димитрий в день Пасхи шел в церковь — так русские называют храм Божий». Знаменитый польский историк Длугошь князей здешнего края Владимирского Георгия, Переяславского Ярослава и Ростовского Константина называет русскими князьями и здешний край — Русскою землею, и здешних жителей — русскими людьми. Так, описывая известный Липецкий бой (1206 года) между Константином Ростовским и Георгием Владимирским, Длугошь говорит: «...и в том сказывают пало более десяти тысяч русских». Александр Гваньини, современник великого князя Иоанна Ва-

сильевича IV, пишет: «Московия, в просторечии Москва, обширнейший город, столица всей Белой Руси, подвластной великому князю Московскому». Или в другом месте москвичей прямо называет русскими людьми; описывая нравы современных ему москвичей, говорит: «У москвичей, или у русских, есть обычай ежегодно в известные дни заводить кулачные бои, где-нибудь за городом на открытом месте; на эти бои сходятся как молодые, так и пожилые люди, с этих боев зачастую возвращаются полуживые, а бывают и убитые».

Таким образом, все исторические и достоверные известия и византийцев, и арабов, и всей Западной Европы, и даже лучшие польские летописцы и историки прежнего времени, от древнейших времен в продолжительный ряд веков, единогласно и постоянно свидетельствуют, что здешний край — чисто Русский край, что великоруссы — чистые славяне, что их никто и никогда не причислял ни к финнам, ни к гуннам, ни к татарам, ни к каким-то мифическим туранам. Следовательно, по свидетельству самой же Западной Европы, входившей в сношения со здешним краем и со здешними людьми, и по свидетельству лучших и достовернейших польских летописцев и историков, нынешние крики польских эмигрантов с товарищами о каком-то монгольском и татарском происхождении великоруссов есть ни больше ни меньше как горячечные бредни, ни на чем не основанные, свидетельствующие только о непомерной злобе современных поляков.

Доказавши всеми достоверными свидетельствами и русскими, и иноземными, что мы великоруссы — не гунны, не финны, не монголы, не татары, не какие-то тураны, а напротив, славяне и чисто русские, теперь

следует показать, к какому же племени русских славян мы принадлежим или как образовалось великорусское племя и по чему получило свое название?

По свидетельству древнейшего и достовернейшего нашего летописца Нестора, близко знавшего все племена славянские, в глубокой древности занимавшие разные края русской земли на всем громадном ее пространстве, — здешний край, т. е. земли Рязанская и Муромская, Суздальская и Ростовская с Белым озером, принадлежал племени ильменских славян, или новгородцев, которые еще в доисторические времена колонизовали этот край и построили в здешних диких лесах между жилищами первобытных здешних обитателей, мери, веси и муромы, свои славянские города Ростов, Белоозеро, Суздаль и Муром и населили их своими же братьями славянами ильменскими. Следовательно, здешние славяне, или великоруссы, по происхождению своему первоначально могли принадлежать к новгородцам или ильменским славянам. Новгород и, кажется, еще Смоленск, древнейшая Новгородская колония в верховьях Днепра, были первоначально главным гнездом славянщины, из которого постоянно напирали сюда славянские колонисты и постепенно подчиняли себе и ославянивали здешних полудиких и робких старожил — весь, мерю и мурому.

Это свидетельство Нестора подтверждают и арабские писатели VIII, IX, X столетий, которые единогласно говорят, что через здешнюю страну в древности шла большая торговая дорога новгородцев в Камскую Болгарию и Хазарию, которая, естественно, тянула сюда предприимчивых и отважных новгородцев и выдвигала одну за другой их колонии в здешний край, чтобы ближе быть к богатым и важ-

ным для Новгорода рынкам — болгарскому и хазарскому, на которых новгородцы приобретали себе азиатские товары, необходимые им для торговли с Западной Европой и для собственного употребления, и сбывали азиатцам дорогие меха и другие товары, приобретаемые на глубоком Севере. Да и кроме торговли, сюда привлекало новгородских поселенцев богатство земли, обильнейшее сравнительно с новгородскими болотинами. Дорого ценя здешнее плодородие, простор и приволье, богатые из новгородцев при помощи повольников, шнырявших по здешним рекам и речкам, спешили захватывать земли и заселять их своими ратниками из новгородцев же, надеявшихся в этой привольной стране при помощи своих покровителей богачей удобнее устроить свои хозяйственные дела. Таким образом, здешний край еще в доисторической древности сделался раздольем для новгородских бояр богачей — или больших людей, которые на просторе именем господина Великого Новгорода бесконтрольно владели здешнею землею; точно так же, как впоследствии они владели в привольном заволочье, или в северном краю, орошаемом Северною Двиною, Онегою и Вислою; они тут строили свои города и селения. Так что здешние земли веси, мери и муромы покрылись сетью вотчин, или волостей, принадлежащих новгородским большим людям, и более или менее населились новгородскими колонистами и приняли общественный строй новгородский. Здесь еще до прибытия варяго-русских князей в Новгород устроились старые города Белоозеро, Ростов, Суздаль и Муром, где сидели правители, назначаемые новгородским вечем.

С приглашением новгородцами варяго-русских князей в 862 году христианского летосчисления положение здешнего края несколько изменилось; новгородское вече здешние земли уступило в непосредственное управление одному из приглашенных князей Синеусу, который со своими варягами-русью и засел на Белоозере: а по смерти Синеуса здешний край перешел во власть князя Рюрика, который разослал своих мужей с их варяжскими дружинами, кого в Ростов, кого на Белоозеро, кого в Суздаль, кого в Муром: и таким образом, к здешним старым новгородским колонистам присоединились новые колонисты, варяго-русские; но, разумеется, рядом со старыми и новыми колонистами оставались здесь жить и здешние старожилы — весь, меря и мурома. У новгородцев не было в обычае истреблять старожилых, они только старались ослабить их. По удалении Рюрикова преемника Олега из Новгорода на юг, в Киев, здешний край по договору новгородцев с Олегом остался за ним и его потомками, и таким образом окончательно отделился от Новгорода, и здешние старые новгородские колонисты мало-помалу смешались с новыми колонистами варяго-русскими, ослабили их и составили с ними одно цельное племя — варяго-русско-новгородское. И новгородские бояре, здешние вотчинники, по отделении здешней земли от Новгорода, сделались вместе с варяго-русскими новыми пришельцами, главными владельцами здешних земель, уже совершенно независимыми от Новгорода и полузависимыми от киевских князей, сюда никогда не заглядывавших. И так прошло с лишком сто лет до того времени, как великий князь киевский Владимир Святославич, принявши христианскую веру, стал рассу-

лать своих сыновей по городам для введения христианства, и между прочими в Ростов сперва отправил Ярослава, а потом Бориса, а в Муром — Глеба, разумеется, с их дружинами и священниками. В продолжение этого столетнего периода здешний, первоначально финский, край настолько уже был ославлянен, что при введении христианства церковная служба уже совершалась на одном славянском языке, и не встретилось неотложной надобности переводить церковные книги на язык здешних старожилов — веси, мери и муромы. По преданиям, сохранившимся в народных былинах, при Владимире здешний край настолько уже был русским, что выслал к Владимиру чисто русских богатырей: Илью Муромца, крестьянского сына из Муромы, и Алешу Поповича — из Ростова.

Рассылка сыновей Владимира по городам здешнего края дала несколько иное направление здешней общественной жизни. С одной стороны, главные здешние города, Ростов и Муром, получили отдельных князей, которые пришли сюда со своими дружинами; дружины же сии, приведенные из Приднепровья, конечно, по преимуществу состояли из полян и вообще приднепровцев и варягов, следовательно, принесли пополнение здешнему народонаселению новым элементом приднепровским, который, разумеется, соединился со здешними новгородскими и варяго-русскими поселенцами и составил с ними одно сплошное целое. А с другой стороны, введение христианства еще плотнее соединило здешних разноплеменных насельников единством веры и дало решительный перевес славянскому элементу; ибо, как мы уже имели случай заметить, христианское богослужение и проповедь и здесь, как и в других краях Русской земли, совершались только

на славянском языке. Но обильнейшие плоды этого нового направления мы увидим не ближе как через полтораста лет, т. е. при внуках и правнуках Ярослава. Между тем, по смерти Ярослава, здешний край разделился на две половины и причислился к двум приднепровским уделам ярославовых сыновей, одна половина, именно: Муром и Рязань, — досталась второму Ярославову сыну Святославу и была причислена к Черниговскому уделу, а другая половина, Ростов и Суздаль с Белым озером, досталась третьему Ярославову сыну Всеволоду и была причислена к Переяславскому уделу на Днепре. Оба князя, по обычаю, отправили в здешние города своих мужей для управления, а мужи, так же по обычаю, привели с собою свои дружины преимущественно из северян, ибо и Чернигов, и Переяславль, где набирались сии дружины, были города Северной земли, и таким образом к населению здешнего края примешался еще новый элемент, северянский, который постоянно пополнялся присылкою новых княжьих мужей с их дружинами также из северян.

При внуках и правнуках Ярослава здешний край опять, как и при Владимире, получил своих отдельных князей, которые уже передали здешние княжества своим потомкам как самостоятельные уделы, независимые от уделов приднепровских. Именно в Муроме и Рязани утвердился Ярослав Святославич, выгнанный своим племянником Всеволодом Ольговичем из Чернигова, и от него потом пошел род князей Рязанских и Муромских, а Ростов и Суздаль получил младший Мономахов сын Юрий Долгорукий, от которого произошли князья суздальские и ростовские. Образование отдельных и самостоятельных княжеств в здешнем краю дало тот тол-

чок жизни здешних поселенцев, который поставил их довольно высоко между прочими русскими племенами и дал возможность резко выказаться тем характеристическим чертам, которые были подготовлены предшествовавшими смешениями поселений и составили свой самостоятельный чисто русский тип великорусского племени. Но дело полного составления великорусского племени на этом не остановилось. Великие устроители и насадители здешнего края, князя Юрий Долгорукий и сын его Андрей Боголюбский, настроили здесь множество новых городов и насозывали сюда жителей со всех русских краев, и из Северской стороны, и из Киевской, Смоленской и Волынской, не говоря уже о новгородцах; так что в это время Ростовско-Суздальская земля сделалась настоящим гнездом всех возможных русских колоний. И все сии разнородные колонисты под общим именем суздальцев сделались первенствующим и сильнейшим народом на Руси, и вся чисто русская жизнь во всем своем разнообразии потянулась в Суздальщину.

Время князей Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского было временем громадного переворота в здешнем краю — Ростовско-Суздальская земля, доселе как бы забытая князьями и носившая еще характер Новгородской колонии, состоящей почти под исключительным господством местных бояр — богатых землевладельцев, вдруг по воле энергических князей должна была принять иной образ, сбросить форму колонии и подчиниться новым порядкам владения, независимого, самостоятельного, со своими сильными князьями. А посему, естественно, люди, бывшие могущественными при старых порядках, должны были вступить в борьбу с нововведениями,

ограничивавшими их своеволие. И действительно, дошло до нас несколько темных и запутанных преданий о борьбе здешних старинных богачей-землевладельцев с новыми князьями. Предания сии тем более для нас интересны, что они тесно связаны с сердцем России — с нашею дорогою Москвою. По свидетельству сих преданий, местность Москвы принадлежала исстаринному, кажется, новгородскому колонисту, боярину Степану Ивановичу Кучке, богатые и многолюдные вотчины которого были расположены по рекам Москвы, Яузе и Неглинной и составляли одно большое и сильное владение. Этот Кучко, по одному преданию, возгордился против князя Юрия Долгорукого и был убит им, а детей его, еще очень молодых и красивых собою, Юрий отослал к своему сыну Андрею Боголюбскому во Владимир, а там выдал за Андрея Кучкову дочь, красавицу Улиму. По другому же преданию, Кучко со своими сыновьями воевал против князя Суздальского, но был разбит и убит им, а среди Кучковых сел князь построил город Москву. Темны и смешанны сии и подобные предания о Кучке и Москве, но в них слышится голос исторической правды; о Москве и по летописям упоминается в первый раз при Юрии Долгоруком, и его не без основания считают основателем Москвы; а Кучковичи действительно состояли в числе приближенных слуг Андрея Боголюбского, и один из них, Яким Кучкович, вместе со своим зятем Петром и ключником Анбалом был главным заговорщиком и убийцей Андрея. А что Кучко был, по всему вероятно, старым новгородским колонистом, на это мы имеем указание в писцовых новгородских книгах, по которым зна-

чится фамилия Кучковичей в числе новгородских бояр-землевладельцев даже в XV столетии.

Но, конечно, борьба своевольных, давно здесь зажившихся богачей-колонистов не могла иметь успеха, как и свидетельствуют предания. Да и что могли сделать старые здешние богачи-землевладельцы, когда силы князей росли не по дням, а по часам, прибытием новых поселенцев со всех краев Русской земли, и особенно с беспрестанно разоряемого Приднепровья. Поселенцев влекло сюда, с одной стороны, хорошее устройство и порядок, заведенный строгими и энергичными князьями Юрием и Андреем, и множество разнообразных работ, ими затеянных и доставлявших хорошие заработки. Здесь всякий видел разгорающуюся жизнь, тогда как она глохла в других краях, и всякий охотно шел сюда селиться. А с другой стороны, здешний край, как срединный, удаленный от степей, был обеспечен от внешних набегов. Каждый хорошо знал, что здесь нога не была ни печенега, ни половца, ни иного какого кочевника-грабителя, что здешние города и селения растут и развиваются спокойно, не тревожимые набегам поганых, и каждый был уверен, что здешняя нива, хотя не так богатая, как в Приднепровье, все плоды свои, ни с кем не делясь, передает хозяину, а не будет потоптана или пожжена поганым половчином. И множество охотников спешили перебраться сюда из прожженных и разоренных городов и сел приднепровских. А каждый новый поселенец-пришелец нес новую силу здешним князьям, строителям и насадителям и был новым помощником к введению новых порядков и к ослаблению старого своеволия старых богачей, прежних колонистов. Истаринные колонисты решились, наконец, на по-

следнее средство, но злодейство, как и должно было ожидать, не помогло, и новая жизнь взяла свое; Ростовско-Суздальский край превратился в настоящее и самостоятельное гнездо великорусского племени, в котором соединились и смешались лучшие силы всех племен Русской земли.

Новая жизнь Суздальско-Ростовского края, вызванная строителями и насадителями его, князьями Юрием Долгоруким и Андреем Боголюбским, и поддержанная и распространенная их знаменитым преемником младшим сыном Долгорукого, князем Всеволодом Юрьевичем, не погибла и под тяжестью страшного монгольского нашествия. Напротив того, нашествие Батыя с бесчисленными татарскими и монгольскими полчищами, сильно погромившее земли Суздальскую и Рязанскую и вконец разорившее приднепровье — Киев, Чернигов, Переяславль и другие тамошние города, дало новых поселенцев Суздальской земле. Жители опустошенного Приднепровья, обратившегося в татарское кочевье и потерявшего своих князей, толпами потянулись в Суздальскую землю, хотя разоренную и подпавшую татарскому игу, но не занятую татарами и управляемую деятельными и умными князьями, не знавшими усталости в возобновлении городов и вообще в устройстве всего здешнего края. И Суздальская земля снова стала переполняться пришельцами из разных краев Руси, снова здешние князья, строители и насадители начали отводить земли родным пришельцам и давать им разные преимущества и льготы, на которые, разумеется, еще более шло охотников с разных сторон. В это страшное время русские люди, разоренные вконец, охотно шли селиться не только к русскому князю, дававшему льготы; но даже к татарину, ежели

он задумывал жить оседло и вести русское хозяйство на большую руку. Так, в летописях есть известие, что к Ахмату, татарскому баскаку, в Курске, в 1284 году построившему на свое имя две слободы, набралось, в надежде на покровительство богатого татарина, столько поселенцев с разных сторон, что в тех слободах открылись торги и разные мастерства, и те слободы наполнились русскими людьми, как грады великие. При таком настроении населения и при таковой существенной нужде в покровительстве, естественно, переселенцы спешили из разных краев русской земли к здешним князьям, о которых к их чести нельзя не сказать, что они один перед другим заботились о том, чтобы земли в их владениях не пустовали, чтобы не было недостатка в поселенцах, и для этого не скупились на льготы.

На движение русских людей из приднепровья на северо-восток в земли Рязанские и Суздальские мы имеем указание и в летописях, где, например, под 1301 годом читаем о переселении в Москву черниговского боярина Родиона Нестеровича с целым полком княжат и детей боярских, числом 700 человек; и сколько таковых переселенцев, чуть не каждый год, шло только на службу к здешним князьям с именем княжат и бояр, и все они приводили с собою хоть какие-нибудь дружины и получали от здешних князей земли в вотчину, иногда даже города, и таким образом в большей части случаев навсегда связывали судьбу свою и своего потомства со здешним краем. Но гораздо сильнее свидетельства о сильном движении поселенцев из приднепровья на северо-восток представляют народные предания неписанные — все народные эпические песни и былины самые древние, повествующие

о древнейших приднепровских князьях, о тамошних народных богатырях и о городах: Киеве, Чернигове, Волыни и Галиче, до сего времени сохраняются в народе, и поются и рассказываются старухами и стариками из крестьян и мещан в здешнем краю; тогда как все сии древнейшие приднепровские предания давно уже утратились в Приднепровье, где теперь старина в песнях и былинах народных не восходит старше казачества и борьбы с поляками. Самый язык старой приднепровской Руси, как он сохранился в литературных памятниках, ближе к здешнему народному языку, чем к теперешнему приднепровскому и здешним людям, например, Несторова летопись, или поучения Кирилла Туровского, или старый непечатный патерик печерский гораздо понятнее, чем современному простолюдину малоруссу. И таким образом, и древняя народная поэзия, и язык как бы каким-то чудом из приднепровья перенеслись сюда, и конечно, они пришли сюда не одни, а вместе со своими носителями, старыми, чисто русскими жителями приднепровья. Все это ясно и прямо показывает, что лучшая и наибольшая часть старого приднепровского русского населения во время татарского владычества, и позднее, при занятии Галича и Волыни польским королем Казимиром, и во время погромов литовских перебралась на северо-восток, в здешний край со всеми своими местными народными преданиями, и, слившись со здешним русским населением, передала их своим потомкам, уже здешним жителям, которые и хранят все это в своей памяти как общую народную святыню всей русской земли и всего славянского племени на Руси, и передают из рода в род.

Таким образом, с татарским нашествием на Русскую землю окончательно сложилось в здешнем крае как бы новое русское племя великоруссов, в котором органически соединились все живучие и деятельнейшие силы русских племен из всех краев Русской земли, которое потому и получило имя великорусского племени как представителя всех русских племен, как племя всероссийское, а не частное и местное; и посему по самой природе своей потянуло к себе все остальные частные и местные племена всей Русской земли, и раскинулось на огромные пространства, на какие не раскидывалось ни одно из славянских племен на Руси, даже и новгородцы. Оно на юг охватило своими поселениями берега Дона и его притоков, почти до Азовского моря и предгорий Кавказа, на восток заселило своими колониями бассейн Волги почти до Каспийского моря и проникло на Урал, на севере и северо-востоке достигло берегов Белого моря и пробралось в Сибирь, на западе уперлось в Финский залив и простерлось почти до Днепра. И все это оно сделало не столько завоеванием, сколько колонизацией и своим всероссийским значением. Всероссийское значение великорусского племени не укрылось и от частных русских племен на запад от Днепра. Племена сии, несмотря на несчастные исторические обстоятельства, разлучившие их с великорусским племенем и притянувшие к чуждым центрам, несмотря на все старания сильных иноплеменников уничтожить даже память о родстве с великорусским племенем, не могли забыть об этом родстве, и чем больше насилия и хитростей употребляли иноплеменники для полного разъединения сих племен с великорусским племенем, и чем больше клеветали на великорусское пле-

мя и возбуждали злобу, тем сильнее высказывалось в сих племенах чувство родства и единения с великорусским племенем. Еще в XV столетии потянулись к Москве некоторые населения левого берега Днепра, затем в XVI столетии русское племя, населяющее Великое княжество Литовское, заговорило о соединении с Москвою и об избрании Московского царя в государи Литовские. Затем в XVII столетии Малороссия или все южнорусские племена обеих сторон Днепра, под предводительством главного своего гетмана Богдана Хмельницкого, единогласно признали государя Московского своим государем и навеки соединились с Москвою, т. е. с великорусским племенем, и во всем этом соединении со стороны великорусского племени не было никаких особых стараний и происков. Москва и ее государь не противились соединению, соединение же, вызванное самою жизнью, произошло по доброй и прямой воле самого южнорусского населения, по неумолкаемому чувству единоверия и единоплеменности с великорусским племенем; не Москва искала Малороссию, а сама Малороссия тянулась к Москве, как к естественному племенному центру, к общему гнезду, к которому, по законам истории и природы, должны собраться все частные племена Русской земли, чтобы составить одно сплошное неразрывное всероссийское племя, как одна Русская земля, которая с тех пор, как сознала свое единство, никогда не знала и не хотела знать никаких делений и дроблений на народности, постоянно признавая один русский народ, всю Русь.

Чувство непрерывающегося родства и единоплеменности с великорусским племенем и признание за ним естественного центра во всех русских племенах и в настоящее время находится в полном своем

развитии и на наших глазах заправляет всею жизнью русских племен. Припомним недавние, свежие, еще непростывшие события последнего польского мятежа. Пользуясь нашею оплошностью и снисходительностью, чего не делали поляки, чтобы отделить западную Русь от восточной, каких происков и соблазнов не употребляли они, чтобы достигнуть своей цели; все было пущено в ход: и золотые грамоты для народа, и шутовское кумовство и побратимство мощных панов с бедными хлопцами, и сепаратистические теории, рассеянные между недоучившеюся молодежью, и клеветы на Москву и на все великорусское, и подкупы, и угрозы, и натравливание местной администрации на простонародье; но все это оказалось окончательно бессильным против чувства родства и единоплеменности западной Руси с восточной, великорусского племени со всеми русскими племенами западного края, на которые польская интрига так тщательно старалась разбить единый западнорусский народ. Вся эта хитро задуманная и ловко веденная затея пошла прахом, как дошла очередь до дела — западнорусский народ ни на минуту не задумался и, как один человек, стал за единство и родство с восточною Русью, т. е. с великорусским племенем, несмотря на то что иным из тамошних доблестных людей за это пришлось поплатиться жизнью под ножом или от веревки польских жандармов-вешателей. Да и теперь, в настоящую минуту, на самых крайних западных пределах старой Русской земли в Галичине и в так называемой Угорской Руси — не то ли же неумолкаемое чувство родства и единоплеменности с великорусским племенем движет массами тамошних русских людей: и образованных, и простолюдинов. А между тем сколько десят-

ков лет и мадьяры, и поляки, и австрийцы хлопочут о том, чтобы изгладить самую память об этом чувстве, и чего не делали и не делают они для достижения своей цели. Они давно уже успели притянуть тамошних русских людей к унии с латинством и отделить от единения с православною церковью, запрещали говорить и писать по-русски, старались сочинить какой-то особый русский язык, даже выдумали особое название рутенов вместо русских. Но несмотря на все это и многое другое в том же роде, тамошние русские люди продолжают быть русскими людьми и в книгах и на сеймах прямо говорят, что они русские, а не рутены, что они одной семьи со всеми русскими людьми, и самый язык их год от года более и более освобождается от посторонних примесей и ближе подходит к общему русскому или великорусскому языку. Русские люди в Галичине и Угорщине своим народным чувством и сознанием, что они русские люди и что принадлежат к одной семье с великоруссами, служат лучшим доказательством, что великорусское племя есть общерусское племя, что оно составляет центр соединения всех русских племен, где бы они ни жили и в каких бы обстоятельствах ни находились. В Галичине и Угорщине все обстоятельства сложились так, чтобы тамошние русские люди отреклись от единоплеменности с Россией; но они не отрекаются и прямо и гласно утверждают, что они русские, одной семьи со всей Россией, где общим представителем великорусское племя, что они не хотят быть ни отдельным русским племенем, ни малоруссами, ни червоноруссами, ни белоруссами, а что есть, были и будут просто русскими, как и вся Россия. Значит, народного чувства и исторической правды ничем не заглу-

пишь; а историческая правда и народное чувство во всех концах Русской земли, даже за ее пределами, за кордоном, где только живут русские люди, говорят одно, что великорусское племя есть всероссийское племя, что оно центр всех русских племен и, следовательно, всем прямая родня до самых костей.

Но чтобы не продолжать нашей беседы, и без того уже довольно затянувшейся, я просил бы всех, желающих увериться в таковом значении великорусского племени, посмотреть на Московскую этнографическую выставку. Там будут поставлены рядом типы всех русских племен, как живущих в самой России, так и за кордоном; и сами типы лучше всяких слов и доказательств каждого убедят, что великорусское племя есть всероссийское племя, что в его этнографический облик все русские племена внесли свои черты и что в этом чистом обличье нет ни одной нерусской черты. Да, милостивые государи и милостивые государыни! Великорусское племя на этнографической выставке, так сказать, обдаст вас своим чистым русским типом, я это сам испытал своими собственными глазами и своим чувством.

И. И. Пантюхов

ЗНАЧЕНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ В РУССКОЙ ИСТОРИИ

*Типография «Просвещение», Крещатик, дом Пастеля № 27
КИЕВ, 1909*

Антропологические типы составляют фундаменты, на которых выросли народы. На почве типа каждый жизнеспособный народ сохраняет свою, только ему свойственную, физиономию. Народы, теряющие свою физиономию, сливаются с другими народами или вырождаются.

Расовые типы, как и виды животных, наилучше развиваются в тех зоологических районах, где они формировались. Если и не соглашаться со мнением Фатера, что в тех же районах они были и сотворены, то, во всяком случае, первобытные люди и животные для успешной борьбы за существование приняли соответствующие каждому району формы и инстинкты.

Гонимые голодом и другими стихийными причинами, люди и животные передвигались с места на место, заходили и в другие, чуждые им, зоологические районы, но там, раньше или позже, гибли или, претерпев существенные изменения, приспособлялись. В Европе монголы, ослы и верблюды не акклиматизировались, а от переходивших в Азию как доисторических, так и позднейших европейских народов — киммерийцев, скифов, треров — остался

только незначительный след в виде голубых глаз, встречающихся между туземцами Западного Кавказа, Западных Малой Азии и Индостана.

В Европе, прародине белого человека, были свои зоологические районы и соответствующие им типы. На севере типы должны были быть более светлые, на юге — более темные; на гористой, изрезанной морями, западной половине, где по условиям природы часто требовались быстрота и решительность действий, типы должны были формироваться более предприимчивые и активные, а на восточной, равнинной — менее предприимчивые и пассивные.

Из многочисленных, живших в Европе народов, следы которых видны в открываемых археологией разнообразных культурах, постепенно выделялись и совершенствовались более сильные и к данным условиям более приспособившиеся. По разделении европейских языков наиболее сильные оказались на западе — германские, и на востоке — славянские.

В начале истории они были уже смешаны, и в объединенные языком их этнографические типы, судя по историческим сведениям, вошли народы разных антропологических типов. Большинство ученых думает, что предки германцев были по преимуществу долихоцефалы, а предки славян — по преимуществу брахицефалы.

О прародине немцев, как и славян, в точности ничего не известно. Под названием Скифии древние разумели чуть не всю восточную Европу. Есть данные утверждать, что русские племена жили между финскими и другими народами в бассейне Днепра и возле Балтийского моря, уже в отдаленные периоды каменного века. Эти местности и должны почитаться прародиной славян.

Большинство историков предками славян считает живших в V–VI веке до Р. Х. к северу от Черного моря скифов-земледельцев. По словам Геродота, эти скифы были народ спокойный, к грекам и вообще иностранцам относились дружелюбно, чем, вероятно, и объясняется процветание в это время греческих черноморских колоний. Вместе с тем скифы не выносили подчинения кому бы то ни было, ненавидели как господ, так и рабов, не любили ни городов, ни сел, не образовывали никаких, а тем более государственных организаций, жили разбросанно и, обладая чувством сильно развитого личного достоинства, были неуживчивы и постоянно враждовали между собой.

О физическом типе скифов, как по описаниям, так и по изображениям их на древних греческих памятниках и сосудах, известно только, что скифы были крепкого телосложения, ширококостны, русоволосы, лоб имели прямой, волосы густые, глаза открытые, прямо поставленные, нос прямой, узкий.

Из этих сведений видно только, что тип скифов не был монгольский и вообще азиатский, а принадлежал к европейским. Костюм скифов Н. Е. Забелин находит весьма похожим на костюм современных русских крестьян-земледельцев.

Образ жизни и психология скифов соответствует зоологическому району восточной Европы, где нет гор и вообще защитных мест, возле которых блуждавшие по равнине народы могли бы остановиться, сговориться, объединиться в государство.

Когда появившиеся на востоке Европы, около времени начала нашей эры, организованные и хищные народы, особенно монголы, рассеяли и смели неорганизованных анархистов скифов с юга восточной Европы, скифы ушли частью на запад, где

под влиянием новых географических условий и метисаций образовали новые, с более обостренной психикой, народы — сербов, болгар, чехов, поляков, — частью на север, где в лесных и болотистых бассейнах Днепра и Волги жили их соплеменники.

Среди смешанного, неисторического населения восточной Европы славяне, как и другие жившие там народы, долго оставались неизвестными, и только когда в VII–IX веке, под влиянием римской культуры и сношений с дунайскими славянами, в среднем бассейне Днепра, между реками Росью и Беризиной укрепились более сплоченная группа их, они выступают на политическую сцену под именем руссов.

Быстрое распространение руссов, причем в IX веке они уже занимали почти весь бассейн Днепра и проникли до Балтийского моря, может быть объяснено только тем, что независимо от племен, поселившихся в среднем бассейне Днепра, в VII–VIII веке там уже жили близкие им по языку племена. Предположения некоторых, что эти племена усвоили славянский язык позже, — невероятно.

Руссы, как и их предполагаемые предки скифы, занимались земледелием и звероловством, не образовывали государств, жили разбросанно и враждовали между собой. Несмотря на свою многочисленность, руссы-анархисты не могли противиться даже небольшому, жившему возле Каспийского моря и смешавшемуся с евреями народцу — хазарам, которые, снаряжая небольшие торгово-военные экспедиции, брали с них дань.

Каков был антропологический тип руссов — неизвестно.

Эволюция антропологических типов имеет пределы. Кроме доисторической антропологии, доказавшей

неизменяемость черепов с каменного века, прочность типов доказывается и, например, тем, что скульптурные и живописные изображения на памятниках Египта, Индии, Китая, типов египтян, семитов, монголов, относящиеся ко времени за 3–5 тыс. лет до настоящего, — ничем не отличаются от современных.

Нет основания предполагать, чтобы и ныне существующие русские типы были иные, чем типы их предков. Желая обратить внимание на ход истории в зависимости от антропологического типа, мы приведем некоторые характерные черты типов потомков древних русских, ныне живущих.

По исследованиям проф. Д. Н. Анучина, на основании десятилетних измерений роста призывавшихся к отбыванию воинской повинности, средний рост населения Киевской губернии 1654 мм, Полтавской — 1652, Подольской — 1646, Черниговской и Волынской — 1641, Гродненской — 1638, Могилевской — 1637, Новгородской, Владимирской, Московской и других центральных — 1640–1650 мм. Рост населения Киевской губернии на 13 мм выше общего среднего — 1641 мм, выведенного Д. Н. Анучиным для всего государства.

Цвета радужной оболочки глаз — карий, серый и голубой — существуют во всех местностях, в равных процентных отношениях. В общем, самый распространенный цвет глаз — серый. Приблизительно серый цвет глаз у 50 %, карий — у 25 %, голубой и голубоватый — у 20 %, и средний, черный и зеленый — у 5 % всего русского населения. По большим районам, за некоторыми исключениями, серый цвет глаз дает наибольший процент на востоке от Днепра, голубой — на западе, а карий — на юге, приблизительно южнее параллели р. Роси. В частности, по ис-

следованиям д-ра Рождественского и моим, от Роси до Березины наибольший процент глаз голубоватого неяркого цвета у 40–45 % населения; по исследованиям д-ров Дибольта и Эмме, южнее Роси и в Полтавской губернии, — карий у 41–47 %; по Белодеду в Кролевецком уезде Черниговской губернии, серый у 59 %. Наибольший процент серых глаз, по Галаю, у населения Тверской губернии — 61 %, а голубых, по Эйхгольцу, у белоруссов — 60 %.

Голубые глаза, переходящие в серые, также распространены и среди населения различных других местностей преимущественно юга, и в губерниях — как Волынской, так и Воронежской (по Прохорову, их более 40 %).

В центральных губерниях на востоке от Днепра голубых глаз в Московской г., по Анучину, 5 %, в Черниговской, по Белодеду, 4 %, в Тверской, по Галаю, 3 %. Карих в центральных губерниях — от 10 до 30 %, а в Рязанской губернии, по В. В. Воробьеву, и еще больше. Чисто черные волосы составляют, по местностям, от 1 до 5 %, а по Талько-Гринцевичу, в южнорусских губерниях — 1,2 %. Темно-русые волосы и однотонный, смугловатый цвет кожи преобладают на юге, русые и белый цвет кожи — на севере.

Форма черепа везде преобладает брахицефалическая. Наиболее долихоцефалов у белоруссов, по Икову, 23 %, в Минской губернии, по Янчуку, 19 %, в Смоленской, по Щедровицкому, 18 %, Ярославской, по Вильке, 13 %. В остальных губерниях — 5–10 %. В частности, долихоцефалия встречается как бы гнездами и в Кролевецком уезде, долихоцефалов — 1 %, в Уманском — 5 %, в Киевском — 10 %, в Новоград-

волынском — 31 %. Все эти цифры по малочисленности их имеют только относительное значение.

Указания на другие многообразные частности типа для нашей цели не имеют особого значения, поэтому упомянем только об одном из важных и бросающихся в глаза признаков типа — форме носа. Во всем среднем бассейне Днепра среди малорусской народности преобладает нос короткий, длиною 48–50 мм, вздернутый с 10–20 % носов седлообразных. В среднем бассейне Днепра, у белоруссов, нос длиннее, прямее, и вздернутых носов меньше. В бассейне Волги среди великорусского населения носы крупнее, чем на западе и юге, но по форме и величине весьма разнообразны. У владимирцев Прохоров определил носов прямых 92 %, горбатых — 5 %, и вздернутых — 3 %. В центральных губерниях прямых носов меньше, а весьма часты носы толстые, грушевидные и длинные — до 55–56 мм. Носы приплюснутые, монгольского типа, чаще на юго-востоке, носы узкие и длинные — на северо-западе. Носов горбатых и выпуклых по местностям от 5 до 20 %.

В отдельных случаях встречаются типы первобытных дикарей с сильно развитыми надбровными дугами и низкими лбами; типы желтые чисто монгольские и крайне долихоцефалические, голубоглазые, шведские.

Вместе с разнообразием физического типа, и в большей или меньшей связи с ним, и разнообразие типа психического. Кроме неодинаковой интенсивности психики, неодинаковы говоры, обычаи, костюмы, верования, предания, суеверия и прочее не только между северным, по преимуществу сероглазым, южным, более брүнети́ческим, и западным голубоглазым населением, но и между, например,

костромичами и орловцами, волынцами и черниговцами. Даже в одной и той же губернии, например Волынской, Курской, население разных уездов по костюму, обычаям, говору имеет существенные различия.

Существующие в настоящее время антропологические типы и происшедшие от метисаций их многочисленные промежуточные формы находятся как бы в непрерывной между собой борьбе, и каждый период представляет только известную стадию этой борьбы. Между ними есть более сильные, идущие к большему и большему размножению, и слабые, идущие к вырождению и уничтожению. Из того, что, несмотря на метисации, русские сохранили свою народную физиономию, видно, что основные типы их были сильнейшие, наиболее соответствовавшие зоологическому району, и при метисациях передавали потомству наиболее своих признаков. Типы слабейшие постепенно ассимилировались и вырождались, оставляя после себя только больший или меньший антропологический и психический след.

Наука не пришла к положительным заключениям, какой именно был антропологический тип праславянина или пранемца. Объединенные языком и психикой, народы разных антропологических типов, еще в доисторическое время, слились в типы сборные, этнографические. Кроме типов, вполне ассимилировавшихся, в Германии, Франции, Испании и прочее, как и в России, более или менее сохраняются и группы населения, имеющие свои особые типы. Уже из немногих приведенных сведений можно видеть, что в русский этнографический тип входят следующие главнейшие антропологические типы:

1) Среднерослый, русоволосый умеренный брахицефал, с крупным, толстым носом и серыми

глазами; 2) более высокого роста брахицефал с темно-русыми волосами, смугловатым цветом кожи, небольшим вздернутым носом и карими глазами; 3) среднерослый брахицефал, также с однотонным смугловатым цветом кожи и коротким носом, но с серо-голубыми, разных оттенков, глазами; и 4) мезоцефал с значительным процентом долихоцефалии, русыми волосами, белым цветом кожи, длинным, нередко узким, носом и чисто голубыми глазами. Более или менее распространенный и, по исследованиям профессора А. П. Богданова, постепенно уменьшающийся долихоцефализм, составляет остатки частью некогда преобладавшего, первобытного народа, частью — результата позднейших наслоений.

Эти типы, как лежащие в основе народа и дающие ему свою физиономию, должны были существовать и при начале русской истории. Нет основания предполагать, что и кадры живших в начале истории в известных местностях, хотя и распространившихся впоследствии племен, переместились. Согласно местожительству их, по летописи Нестора, и судя по современному типу их потомков, самыми высокорослыми, роста 1654 мм, были жившие в нынешней Киевской губернии до р. Роси, самые культурные поляне, и жившие к югу от параллели Роси, самые храбрые торки, а самые малорослые, роста 1637 мм, жившие по Припяти, наименее, по летописи, культурные — древляне.

В общем четыре основные антропологические типа русского народа, с присущим им своеобразным психическим складом, соответствовали четырем главным его народным группам: сероглазый — новгородской, великорусской, кареглазый — киевской, малорусской, сероголубоглазый — волынской, древ-

лянской или полесской, и голубоглазый — смоленской, белорусской.

Представители этих групп не теряют своей оригинальности и переселяясь в другие районы, а там, где они преобладают, сохраняют и свою собственную, только им свойственную народную физиономию.

В борьбе за существование каждая народность боролась только за себя, и у каждой были свои способы для этой борьбы. Эти способы находились в зависимости от антропологического типа и топографий. Существует множество теорий, доказывающих, что физическим признакам типа соответствуют и признаки психические. По Гобино и Ляпужу, долихоцефалы — прирожденные господа и инициаторы, а брахицефалы — рабы, ищущие господина, по Мантегатца, нос короткий и вздернутый указывает беспечность, крючковатый — хищничество, толстый — решительность, по Бертодону и Ломброзо, развитые надбровные дуги указывают на преступность и пр.

Из сложности этих признаков образуется физиономия. Д-р Гузе рассказывает, что один из высокопоставленных военных на основании антропологических признаков даже определял на должности подведомственных ему солдат.

Если эти теории и не выдерживают всесторонней критики, то в общем они имеют основания, и борьба за существование русских народностей находилась в зависимости и от высоты роста, и от формы черепа и носа, и от цвета глаз и других признаков антропологических типов. Точно так же она должна была быть иная у народностей, живущих в степях, чем у живших в болотах и лесах или при больших водных бассейнах.

Объединяло русские народности то, что по причинам зоологическим, этнографическим и топографическим все они, при своем естественном распространении, должны были направляться по наиболее соответствующему им зоологическому району, в сторону наименьшего сопротивления, на восток. До призвания князей между русскими народностями история не отмечает ничего выдающегося. Отсутствие по дороге гор как бы препятствовало возвышаться и людям. Из массы не выдвигались ни герои, ни большие хищники и завоеватели. Все народности, как стада без пастуха, двигались стихийно.

Общий характер истории восточно-европейского зоологического района обуславливался тем, что по причинам лесистости и болотистости страны в ней не могло образоваться больших государств, а многочисленные населявшие его народы финского, славянского, литовского, урало-алтайского и других типов жили уединенно, ревниво отстаивая свою обособленность. В борьбе за существование некоторые из их групп гибли, другие усиливались. Нашествия народов других зоологических районов в сущности ничего не изменяли, а сами посторонние народы, раньше или позже, гибли или ассимилировались туземцами.

Борьба за существование находилась в зависимости от степени приспособляемости, трудоспособности, плодородия женщин, умения строить соответственные жилища, качества домашнего скота — коровы, овцы, лошади, олени, собаки и прочее, а вообще, от тех внутренних, не поддающихся точному определению физических и психических свойств, которые лежат в основании каждого самостоятельного антропологического типа. Важную роль в борьбе народностей играл и престиж. Как сильный чело-

век, так и сильный народ уже и без активной борьбы подчиняют себе слабого.

Наиболее характерными чертами русского народного типа, как они изображаются в описаниях древних, были стойкость, независимость личности и чувство собственного достоинства, неумение сплотиться и организоваться, слабая инициатива, демократизм, терпимость к иностранцам, анархизм и индивидуализм.

Громадной силой русских в борьбе за существование было земледелие, которое у них было распространено больше, чем у других народов того же зоологического района. Связывая свое существование с землей, русские, занявшие землю, смотря на нее как на кормилицу, уже не бросали ее так легко, как кочевники и охотники. Нужда в хлебе ставила в некоторую зависимость от русских все окружавшие их народы.

Общие свойства русского этнографического типа были неодинаково интенсивны между народностями разных антропологических типов, а поэтому эти народности и неодинаково реагировали на ход исторических событий.

Конец ознакомительного фрагмента.